

Автор «Иного сказания», изображая подвиг молодого воеводы Скопина-Шуйского, называет его «пастырем», отогнавшим от «стада» «овце-хищных волков»;¹⁸ у Тимофеева это «юнец» (молодой бык), который врагов «рогама своима сломи и на землю пасти... сотвори и от стада божия отогна».¹⁹

В первой редакции начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына русские люди сравниваются с волами, упрямо нежелающими идти по указанному пути: «Мы же россияне паче волов упрямы обычаем: тии господина своего разумеют и питающему повинуются, мы же промышляющего нами небрежем»,²⁰ т. е. не желаем следовать указаниям «божества», по мысли писателя-монаха, направляющего человека к добру. Тимофеев использует образ вола, рисуя условия, в которых ему приходилось работать в Новгороде, захваченном врагами. Он пишет: «Но яко же и в бессловесных вол затворен и утаився всех, от затвора ишед, пажить малую обрет, во глде срывает не избирая траву, токмо еже бы ему утробу наполнити, обзираяся обоямо всюду во ужасе, да не узрится, ниже увесто будет стяжавшим и — тако ми о тайнописании в туждих сущу невольное разумей».²¹

Человека, занявшего неподобающее ему место, Тимофеев уподобляет свинье с дорогой серьгой в ноздрях: «Яко же у свиньи в ноздрех усерязь драгая видима, сице у недостойных в руку начальствия власть зрима».²²

Рисуя врагов и самозванцев, писатели обращаются к образу пса: Лжедмитрий I и Марина Мнишек — это «пес со всесквернавою сукою» («Временник»), Тушинский вор — это «злбный пес» («Иное сказание»). С псами Тимофеев сравнивает и шведов, захвативших Новгород: враг, «подобно псу тех (новгородцев, — О. Д.) ссет мозги убо: пес, идеже кость суху обрет, гложет ю».²³

Но чаще, рисуя врагов — поляков-интервентов и шведов, — писатели используют образы диких зверей. Враги-иноверцы «плотоядных зверей лютейше»,²⁴ «Яко же волцы гладнии, агнцы зряще, алчут, сице они (враги, — О. Д.) разорити желают землю нашу».²⁵ Говоря от лица Новгорода о шведах, захвативших город, Тимофеев пишет: «Лукавне, яко вебрь, тайно нощию от луга пришед... ныне же и кости ми оглода».²⁶ В другом месте, рассказывая о пребывании шведов в Новгороде, Тимофеев использует образ медведя, который, забравшись в берлогу, сосет лапу.²⁷

Враги убивают русских людей, «яко лев во ограде»;²⁸ льву уподобляются Лжедмитрий I («скимен лют»),²⁹ Тушинский вор, рыкающий, «аки лев»,³⁰ гетманы Лисовский и Сапега.³¹

Те же образы используются иногда для характеристики отрицательных персонажей из среды русского общества. Так, с медведем в берлоге

¹⁸ «Иное сказание», стлб. 118.

¹⁹ «Временник», стр. 126.

²⁰ «Сказание» Авраамия Палицына. Изд. АН СССР, М.—Л., 1955, стр. 265.

²¹ «Временник», стр. 118—119. Автор первой редакции начальных глав «Сказания» Авраамия Палицына использует подобный образ, характеризуя положение царя Василия Шуйского: «Яко же зверь гонимый хапля обоуду, не ведая что, тако же и царю Василию случися» («Сказание» Авраамия Палицына, стр. 270).

²² «Временник», стр. 111.

²³ Там же, стр. 78.

²⁴ Там же, стр. 125.

²⁵ Там же, стр. 162.

²⁶ Там же, стр. 78.

²⁷ Там же.

²⁸ Там же, стр. 119.

²⁹ Там же, стр. 83.

³⁰ «Иное сказание», стлб. 116.

³¹ «Сказание» Авраамия Палицына, стр. 158; «Повесть», приписываемая Катырев-Ростовскому. — РИБ, т. XIII, стлб. 614.